

© Д.А. Функ

“ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА”: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРОЕКТОВ

Ключевые слова: “этнологическая экспертиза” в России, оценка социального воздействия, коренные народы Севера

В статье рассматриваются основные определения и виды “этнологических экспертиз” в России, а также содержание отдельных примеров такого рода экспертных работ. Автор выявляет наиболее болезненные точки в развитии этнологической экспертизы, в частности, показывая, что в настоящее время в стране нет четко выработанной общепринятой научной концепции данной экспертизы, а методы ее проведения варьируют в зависимости от компетенции осуществляющих ее рабочих групп. Показано также, что практически все осуществленные до настоящего времени этнологические экспертизы основываются на поиске “нормы” культуры (в подавляющем большинстве случаев лишь культуры малочисленных этнических групп) и попытках эмоциональной оценки ущерба, которому эта “норма” подвергается. Автор указывает на подходы и принципы оценок социального воздействия (*social impact assessment – SIA*), уже давно апробированные в других странах, и призывает к более активному использованию мирового положительного опыта SIA.

DOI: 10.31857/S086954150002453-8

В Российской Федерации сначала в научной литературе, а затем и в некоторых законодательных актах и – особенно активно – в правозащитной риторике на местах использовался и используется термин “этнологическая экспертиза”¹ (далее – ЭЭ). Соответствующий запрос в Яндексе выдает миллионы результатов, включая фотографии из разных мест Севера и Сибири, на которых запечатлены доведенные до отчаяния группы местного населения с плакатами типа “Требуем проведения этнологической экспертизы!” в руках. Что же это за экспертиза, которую многие воспринимают, очевидно, как ключ к решению если и не всех, то значительной части социально-экономических и не только проблем?

Дмитрий Анатольевич Функ | <https://orcid.org/0000-0002-4310-5924> | d_funk@iea.ras.ru | д.и.н., профессор, заведующий кафедрой этнологии исторического факультета | МГУ им. М.В. Ломоносова (Ленинские горы 1, Москва, 119991, Россия) | профессор кафедры антропологии и этнологии исторического факультета | НИ ТГУ (пр. Ленина 36, Томск, 634050, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 15-18-00112]

Дискуссия о статусе ЭЭ и ее проведении в рамках различных промышленных проектов, о ее сути и методике, о ее границах (например, о расширении до “социальной” и до оценки социального воздействия не только промышленных проектов, но любых управленческих решений) длительное время продолжается не только в научных кругах, но и в государственно-правовом пространстве. Очевидно, что в стране реализуется целый ряд прикладных проектов (о них речь пойдет ниже), имеющих как общее название “этнологическая экспертиза”, так и значительное количество общих черт и – забегая вперед, я бы сказал – общих проблем. Вместе с тем очевидно и то, что за последние четверть века накопился богатый опыт изучения мировой практики реализации различных проектов развития, предусматривающих разные формы оценки и экспертизы, были изданы учебники и учебные пособия (см., напр.: *Goldman 2000; Becker, Vanclay 2013* и др.)² – все это уже просто невозможно не замечать. Перед тем, как решить, в каком направлении двигаться дальше, думается, есть смысл попытаться понять, а где же мы находимся, в нашем случае – попытаться вывить суть современного понимания ЭЭ в России.

Нельзя сказать, что такого рода попытки ранее не предпринимались. Как пример, можно привести обзорную статью О.А. Мурашко, в которой был изложен взгляд на место ЭЭ в ряду общеизвестных экспертных оценок и сделано заключение о наличии специфического российского северного контекста, который, по мнению автора, выделяет этнологическую экспертизу из международных процедур, известных под названиями “оценка социального воздействия” (*social impact assessment – SIA*) и “оценка воздействия на экологию” (*ecological impact assessment – EIA*) (*Murashko 2006: 78*). Сообразно с этим в статье была представлена общая информация о народах Севера, о правах индигенных народов на землю, о термине “этнологическая экспертиза” в российском законодательстве, об отношении основных стейкхолдеров к необходимости ее осуществления, позитивный – опять же с точки зрения О.А. Мурашко – пример проведения ЭЭ в Ямало-Ненецком автономном округе и, наконец, авторское понимание основных ее компонентов. Краткие обзоры, скорее – упоминания об уже проведенных экспертизах такого рода, можно найти в каждой новой публикации результатов очередной, обозначаемой ее авторами как “этнологическая”, экспертизы (см., напр.: *Садовой 2005; 2008; Звиденная, Новикова 2010; Мартынова, Новикова 2012; Головнев и др. 2014*).

Попыток типологизации имеющихся подходов, не говоря уже о проведении сравнительного анализа на фоне имеющегося зарубежного опыта, в российской литературе практически нет. В 2009 г. В.Н. Адаев предложил выделять три формы (или варианта) ЭЭ: а) как самостоятельное исследование; б) в рамках экологической экспертизы; в) в рамках историко-культурной экспертизы; представлению третьего варианта, собственно, и была посвящена его статья (*Адаев 2009: 38*). В своей работе 2016 г. я попытался выделить основные позитивные моменты российских этнологических экспертиз и показать методологическую и методическую слабость существующих подходов на фоне зарубежных практик и теоретических работ в области прикладной антропологии (*Funk 2016: 345–368*). Независимо от моей публикации Е.Н. Данилова проанализировала несколько этнологических экспертиз, предложив выделять социологический, этноэкологический, феноменологический, правовой и системный подходы в проводимых сейчас в России ЭЭ (*Данилова 2018: 127–134*). На мой взгляд, поиск теоретической подоплеки в ситуации местного этноэкспертного теоретического штиля не имеет особого смысла, поскольку все такого рода экспертизы – при их очевидной нацеленности на принесение пользы местным индигенным сообществам во что бы то ни стало – выполняются вне контекста мировой прикладной антропологии и с опорой на концепты этноса, традиционности (тра-

диционной культуры), исконности и ряд иных, не имеющих особой познавательной и эвристической ценности. Собственно говоря, последними соображениями и определяются задачи и структура статьи. Сначала я представлю и кратко охарактеризую основные определения и виды этнологических экспертиз в России. После этого более подробно рассмотрю содержание отдельных примеров такого рода экспертных работ. И, в заключение, после выявления основных характеристик российской экспертной практики будут обрисованы возможные перспективы ее развития.

Этнологическая экспертиза: определения и законодательство

Однозначно и кратко охарактеризовать ситуацию с этнологической экспертизой в России невозможно. Это связано как с разными подходами к ее определению, к ее фокусу и методике, так и с законодательным неурегулированием практик ее проведения.

Определений ЭЭ существует довольно много, но большая часть их ориентирована исключительно на защиту среды обитания и культур коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС; об истории термина и списке КМНС подробно см.: *Funk* 2009: 315–329), и практически все они – так или иначе – без каких-либо обоснований выдвигают на первый план именно этническую компоненту экспертных работ в оценке тех или иных конфликтных ситуаций.

Одно из самых известных и часто цитируемых определений ЭЭ дано в Федеральном законе РФ “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” (ФЗ от 30.04.1999 № 82-ФЗ, ст. 1, п. 6), согласно ему, “этнологическая экспертиза – научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса”. В русле использованной в данном законе наивно-аналитической терминологии (“исконная среда обитания”, “развитие этноса”), с ориентацией исключительно на малочисленные народы рождались и все последующие официальные определения.

По этому пути в конце 1990-х годов пошли, в частности, разработчики проекта федерального закона об ЭЭ, которые видели ее задачу в “установлении соответствия проектов хозяйственной и иной деятельности условиям сохранения и развития этнокультурной среды населения”, а под “государственной этнологической экспертизой” понимали “стандартизованную оценку вероятных этносоциальных последствий намечаемой крупномасштабной хозяйственной деятельности и значительных управленческих решений (проектов)”. Конечная цель экспертизы, по мнению разработчиков закона, должна была состоять в защите региональной общности населения, этнических групп и этнокультурной среды (самобытного образа жизни) от непродуманного социального управления (архив автора).

Близким по своей сути оказалось и определение начала 2000-х годов, предложенное общественным движением «Ассоциация ненецкого народа “Ясавэй”» в своем проекте закона:

...определение допустимости реализации объекта экологической экспертизы в целях предупреждения возможных неблагоприятных воздействий намечаемой хозяйственной и иной деятельности на исконную среду обитания, традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера и связанных с ними социальных, экономических и иных последствий реализации объекта экологической экспертизы (Защита 2004: 22).

Здесь, как видно, проведение ЭЭ напрямую увязано с оценкой экологического воздействия проектов. Экологические экспертизы являются одним из самых действенных инструментов защиты населения от не всегда хорошо продуманной

и спланированной промышленной деятельности. Методика их проведения отрабатывается вот уже не одно десятилетие, и потому попытка привязать “этнологическую экспертизу” именно к работе экологов — а их деятельность регулируется федеральным законодательством (ФЗ “Об экологической экспертизе” № 174-ФЗ от 23.11.1995), и проведение экологических экспертиз является не просто нормой, но обязательным условием получения разрешения на ведение промышленной деятельности — виделась в то время одним из наиболее простых путей легитимации ЭЭ. Впрочем, уже в 2000 г. ситуация изменилась. С принятием “Положения об оценке воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации” (приказ Госкомэкологии РФ № 372 от 16.05.2000), которое установило порядок и методы проведения государственной экологической экспертизы, возможности для оценки воздействия тех или иных проектов на социум в рамках именно экологической экспертизы были сведены к нулю. В этот же период активизировалась деятельность рабочей группы Государственной Думы РФ, которая — в разном составе — до самого недавнего времени безуспешно занималась разработкой проекта федерального закона об ЭЭ.

Ненецкий проект, упомянутый выше, также не был реализован в законе, как, впрочем, и проект № 205-3-1104 “Об этнологической экспертизе в Ямало-Ненецком автономном округе” (Постановлением № 1516 от 24.11.2004 за подписью председателя С.Н. Харючи Государственная дума ЯНАО его отклонила; см: проект № 205-3-1104). Не прошел нулевое чтение в Общественной палате (*Городецкая* 2018) и проект Федерального агентства по делам национальностей; в нем составителям удалось уйти от “этнокультурной среды” и “этносоциальных последствий”, но оценка хозяйственной деятельности и управленческих решений была сведена лишь к “объектам этнокультурного наследия граждан Российской Федерации” (ст. 1.1), которые (объекты), в свою очередь, были ограничены “нематериальным культурным наследием” (ст. 1.3)³.

Попыток вывести существующие определения за пределы “этнических” интересов, “традиционного образа жизни” или хотя бы за границы оценок исключительно промышленных проектов в постсоветской научной литературе практически не было. Можно отметить, пожалуй, лишь коллективную работу “Методы этноэкологической экспертизы”, предложившую существенно отличное понимание ЭЭ: “...это комплекс стандартизированных научных исследований, направленных на оценку возможных этносоциальных последствий управленческой деятельности” (*Степанов* 1999: 61). Впрочем, здесь также присутствует элемент “этно”, значительно ограничивающий сферу экспертных работ, а указание на необходимость экспертирования “управленческой деятельности”, верное по сути, сужает перечень объектов экспертизы, поскольку фактически исключает из него собственно бизнес-проекты, которые могут и не быть связанными с управленческой (государственной) деятельностью.

Практика проведения этнологических экспертиз

На сегодняшний день ЭЭ, понимаемая практически во всех случаях в соответствии с определением Федерального закона “О гарантиях прав...” 1999 г., периодически реализуется в том или ином виде в целом ряде субъектов России. Есть (или в недавнем прошлом были) несколько ее разновидностей, за критерии выделения которых мною взяты официальность, самостоятельность и обязательность принятия решений к исполнению.

Во-первых, это ЭЭ в рамках тех или иных законодательно установленных экспертных работ: экологических или историко-культурных — в обоих случаях основные экспертизы проводятся как государственные, а этнологическая составляющая

является основой для выработки неких рекомендаций, имеющих или — чаще — не имеющих обязательной силы. К этому же типу “совмещенных” (по терминологии В.Н Адаева) можно отнести этнологические исследования, которые периодически осуществляются в рамках историко-культурной экспертизы в качестве некоего дополнения, например, к археологическим работам. Даже в том случае, когда, как следует из опубликованных свидетельств, выводы и рекомендации по результатам этнологических исследований составляли самостоятельный том итогового отчета (Адаев 2009: 39), обязательной силы они, судя по всему, не имели.

Во-вторых, это общественная ЭЭ. Именно такие были проведены на территории ЯНАО, на Дальнем Востоке, отчасти — в Кемеровской области.

В-третьих, самостоятельная, официальная, регулируемая законодательством ЭЭ. Такие экспертизы проводятся в России начиная с 2010 г. Эта практика существует на территории Республики Саха (Якутия) (Закон 2010).

При том, что относящиеся к двум последним типам ЭЭ проводятся как самостоятельные, между ними все же существует значительное различие в плане обязательности принятия их решений к исполнению.

Наконец, стоит вспомнить еще об одной оценке воздействия промышленного проекта на социальную сферу, осуществленной в России в самом начале 2000-х годов, опыт которой, к сожалению, так и остался невостребованным. Я имею в виду второй этап реализации проекта “Сахалин-2”.

1. Экспертизы с этнологическим компонентом

1.1. Проект строительства Катунской ГЭС в Горно-Алтайской автономной области (в наст. время — Республика Алтай), включенный изначально в план 12-й пятилетки (1986–1990), — один из первых в России перестроечного периода, подвергшийся многолетней экологической экспертизе с использованием отдельных элементов этнологической/этноэкологической экспертизы.

Судя по имеющимся публикациям и опросам экспертов, вовлеченных в “антикатунское” движение в 1980-х годах, оценка возможного воздействия строительства на алтайский социум базировалась в основном на логике здравого смысла (Катунский проект 1990: 149–182) и — в условиях отсутствия методик проведения каких бы то ни было социальных экспертиз — не опиралась на специальные исследования возможных социальных последствий. Отсутствие методик не помешало появлению в сводном заключении экспертной комиссии от 4 июля 1989 г. такого рода фраз, как:

Долина Катуня является колыбелью цивилизаций десятков народов скифской и тюркской семей народов нашей страны и других стран. В долине Катуня памятники их культуры наслонены друг на друга.

Долина средней Катуня связана с этносом и мироощущением алтайского народа, и поэтому реализация проекта нанесет ущерб его духовной культуре.

Нерешенным остается вопрос о размывании алтайского этноса в связи с развертыванием большого строительства и связанного с этим притоком рабочей силы.

Впрочем, были и абсолютно очевидные утверждения, в частности, применительно к археологическому изучению Горного Алтая. В заключении, например, абсолютно верно указывалось, что “с большой вероятностью в результате строительства Катунской и Чемальской ГЭС будут навсегда утрачены памятники мирового значения”⁴.

О проведении этнологических или этносоциологических исследований в связи с данным проектом имеются весьма неполные данные. В частности, известно

об экспертном опросе в г. Горно-Алтайске и райцентрах Шебалино и Усть-Кокса, в котором участвовало 65 чел.: 43 русских и 22 алтайца. Эксперты оценивали (в баллах от 1 до 4 или от 1 до 5) такие проблемы, как степень сохранности элементов традиционной материальной и духовной культуры алтайцев; уровень консолидации алтайских “племен”; перспективы “развития алтайского этноса” и вероятность его ассимиляции русскими в обозримом будущем; влияние предполагаемого притока русскоязычного населения на ассимиляционные процессы; межнациональные отношения в регионе (Катунский проект 1990). Из устных сообщений сотрудников кафедры этнологии МГУ известно, что силами студентов под руководством А.А. Сусоколова в Горно-Алтайске, Шебалино и Усть-Коксе было проведено и этносоциологическое обследование. Коллегам хорошо запомнилось, что после представления запретительного заключения по итогам их работы почта кафедры оказалась забита письмами возмущенных жителей автономной области, прежде всего алтайцев, требовавших разрешить строительство ГЭС на их земле.

Этнологическое экспертирование проекта Катунской и Чемальской ГЭС, несмотря на принятое решение о запрете строительства, оказалось одним из наиболее слабых в методологическом и методическом отношении. По сути, здесь может идти речь не об экспертизе, а, как сказано выше, о логике здравого смысла и давлении общественности в условиях экономического спада и нестабильной государственности. Неудивительно, что в ситуации отсутствия серьезных научных исследований и заключений, при резко возросшей в этом субъекте РФ потребности в электричестве в начале 2000-х годов лоббирование проекта строительства ГЭС (в этот раз под названием Алтайской) возобновилось.

1.2. Экспертиза в районе геологоразведочных работ на территории Крузенштернского месторождения на западном берегу п-ва Ямал (июль–август 2013 г.) (*Головнев и др.* 2014; *Funk* 2015) – один из самых недавних примеров ЭЭ, подробно отраженный в вышедшей в 2014 г. книге “Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения”. В исследовательской части этой книги последовательно представлены контекст проводившейся экспертизы, описание и анализ границ кочевий и специфики организации кочевой культуры ненцев, “голос тундры” (высказывания коренных жителей о грядущем промышленном освоении их земель) и форсайтные размышления авторов. Выполненная работа подкупает обилием свежих полевых материалов и рассказов людей, о чьих проблемах идет речь. К числу безусловных достижений исследования можно отнести и использование сразу нескольких способов фиксации/описания движения оленеводов: GPS-записи перемещений человека в течение дня, карты кочевий (с годовым охватом процесса) и видео/фоторяд действий людей (*Головнев и др.* 2014: 56). В заключительной главе изложены основные факторы пессимистического (Там же: 99–100) и оптимистического (Там же: 100–102) сценариев и рекомендации по компенсациям (Там же: 102–103, 106–107), во многом базирующиеся на “Декларации сосуществования коренных народов и нефте/газодобывающей промышленности в Ненецком, Ямало-Ненецком автономных округах и других территориях Севера России”, выработанной нашими зарубежными коллегами в 2007–2008 гг.

В блок приложений к книге авторы включили общую характеристику исторических источников, краткий рассказ о традициях кочевников и о Ямале, очерк с представлением аналогов этноэкспертизы недавнего времени в России (названы отдельные исследования сотрудников ИЭА РАН) и за рубежом (проект ENSINOR), анализ правовой базы в отношении коренных народов в РФ и ЯНАО, а также весьма подробное описание ситуации с объектами культурного наследия КМНС (Там же: 108–143). Подборку приложений украшают впервые опубликованные уникальные первичные материалы переписи коренного населения Ямала 1926/27 гг. (Там же: 143–223), кото-

рые, впрочем, без комментариев и анализа, равно как и без описания логики отношения этого документа к современным проблемам оленеводов, вызванным промышленным освоением тундры, остались не более, чем самостоятельным текстом в тексте книги. Сказанное справедливо для значительной части всех приложений.

К особенностям данной экспертизы можно отнести еще два важных обстоятельства. Во-первых, представленный на суд коллег текст родился случайно: этноэкспертизу не заказывали ни промышленные компании, ни местные администрации, ни общественные организации ненцев. Этнологи были просто приглашены (Там же: 9) экологами, проводившими собственную экспертизу в названном выше районе Ямала. Во-вторых, может быть как следствие первого обстоятельства, этнологи оценивали “возможные последствия геологоразведочных работ без сколько-нибудь ясной картины проектируемого промышленного освоения территории” (Там же: 15). Отсутствие планов строительства “затрудняло экспертизу, вынуждая гадать, с каким масштабом промышленного вторжения придется иметь дело...” (Там же). Законодательная необязательность ЭЭ, ее неофициальный характер привели к невозможности получить искомые документы, что до предела усложнило задачу экспертов. Результатом стала попытка оценить предполагаемые последствия освоения территории Крузенштернского месторождения “по аналогии”, с ориентацией на уже существующие модели промышленного воздействия на ямальскую тундру. Насколько такого рода форсайтные размышления экспертов имеют основания, сказать сложно.

II. Общественные этнологические экспертизы

II.1. В 2002 г. в Ямало-Ненецком автономном округе (территория Тюменской обл.) была проведена ЭЭ, а ее результаты изданы отдельной брошюрой в Москве под грифом Ассоциации коренных малочисленных народов Севера (*Мурашко* 2002).

Экспертиза проводилась на средства ОАО “Газпром”. Заказчиком выступила Ассоциация КМНС ЯНАО “Ямал – потомкам!”, которой было предоставлено право подбора экспертов и определены сроки (один месяц) на проведение исследования и подготовку заключения. Из бесед с коллегами известно, что собственно экспедиционное полевое обследование для получения первичных материалов с целью последующего их анализа осуществлялось лишь одним экспертом, выезжавшим в округ примерно на две недели.

В изложении методов ЭЭ (раздел II брошюры) авторы руководствовались коллективной монографией “Методы этноэкологической экспертизы” (*Степанов* 1999) и внутренним документом Всемирного банка (Операционная политика 4.10).

Направления исследования включали в себя: анализ демографической устойчивости и социально-экономического положения групп коренного населения, проживающих в зоне потенциального воздействия проекта; анализ устойчивости этнокультурной среды этих групп по семи разделам (в пяти из которых речь идет о “традициях”); юридический анализ и экспертное заключение по соблюдению требований действующего законодательства в соответствии с программой работ ОАО “Газпром” в акваториях Обской и Тазовской губ (*Мурашко* 2002: 12).

Текст собственно этнологической части экспертизы оказался весьма неровным по качеству. Так, например, в нем подробно (хотя не очень понятно, для чего) описана традиционная хозяйственная деятельность ненцев, профессионально охарактеризованы отдельные демографические параметры коренного населения (разделы III и IV), но при этом некоторые выводы абсолютно бездоказательны, как это получилось с этнопсихологической оценкой, по сути, выразившейся лишь в заявлении авторов, что “страх перед возможными последствиями от аварийных ситуаций породил уже стрессовую ситуацию среди значительной части коренного населения” (Там же: 66).

Основные положения экспертного заключения были сведены к указанию возможных последствий воздействия проекта на “уклад жизни”, исконную среду обитания и традиционный образ жизни коренного населения, а также к предложению начать процедуру приостановки действия лицензии “Газпрома” на срок до 2005 г.: до принятия отдельной программы обеспечения социально-экономических гарантий коренному и местному населению в случае возникновения негативных последствий проведения поисково-разведочных работ (Там же: 127).

Завершает экспертизу раздел рекомендаций по подготовке комплексной программы социально-экономической и культурной адаптации коренного и местного населения (Там же: 128–130), в которых, в частности, указано на необходимость сохранения рыболовства, строительства рыбозаводных предприятий, на подготовку и переподготовку кадров, улучшение образования молодежи, улучшение медицинского обслуживания, на сохранение и пропаганду культурного наследия; а для выполнения названного выше предложено создать “особый целевой фонд”.

Практически сразу после публикации результатов этой ЭЭ в литературе были озвучены две полярные ее оценки. Одни считали, что исследование можно считать модельным и достойным подражания (*Murashko* 2006: 86–89), другие – что это пример хорошего историко-социального очерка, но не оценка современной ситуации: нет сравнительного анализа действительной зависимости домохозяйств от разных типов производства/получения продуктов питания, который бы основывался на независимых современных полевых материалах, собранных для целей экспертизы; не прослежена динамика изменений; не обнаруживается методика, которая позволяла бы осуществлять исследования и оценку в дальнейшем (*Roon* 2006: 109).

II.2. Этнологические экспертизы (их было две) в Кемеровской области (*Садовой* 2005; 2008), как практически все законодательно не оговоренные оценки такого рода, сложно отнести к тому или иному выделенному здесь типу. В Кузбассе ЭЭ проводились не просто при поддержке, но по прямому заказу администрации области⁵. Вместе с тем здесь налицо все признаки общественных ЭЭ, поскольку их результаты являлись не предписанием, а лишь рекомендацией для субъектов конфликтной (проблемной) ситуации. Ниже я кратко прокомментирую лишь одну, первую из этих двух этнологических экспертиз.

В 2004 г. на юге Кемеровской обл. разгорелся конфликт между шахтой “Урегольская” ООО “МетАл” и местной администрацией / общественными представителями шорцев по поводу предполагаемого строительства разрезов в местах исторического и все еще довольно компактного проживания шорцев⁶. Основания для этого конфликта закладывались в предыдущие 30 с лишним лет, со времени сноса первого шорского поселка в этом районе при закладке разреза “Сибиринский”.

Инициатором проведения ЭЭ выступила “рабочая группа по контролю за выполнением решений схода”, организованная на общем собрании жителей Чувашенского национального сельского совета и жителей г. Мыски в марте 2004 г. Требование проведения экспертизы было конкретизировано в «Обращении от жителей коренного малочисленного народа шорцев поселков Чувашка, Казасс муниципального образования “г. Мыски” Кемеровской области», которое через пару месяцев после общего собрания было выслано в редакцию журнала “Мир коренных народов”, губернатору области, президенту Ассоциации коренных народов Севера, президенту России, председателю Еврокомиссии и президенту Генеральной Ассамблеи ООН.

Цели экспертизы определялись ее заказчиком, департаментом национальной политики и общественных отношений Администрации Кемеровской области, следующим образом:

1. Выявление механизма социального конфликта, его причин и вовлеченных организаций.

2. Оценка сложившейся этносоциальной обстановки. Проверка фактов, изложенных в обращении жителей коренного малочисленного народа шорцев поселков Чувашка, Казасс муниципального образования г. Мыски Кемеровской области.

3. Поиск путей нейтрализации конфликтной ситуации.

Фактически формулировка целей экспертизы уже сама по себе является достаточным основанием для выражения сомнений в определении ее как “этнологической”. В данном случае речь, очевидно, должна была идти лишь об одной из возможных составляющих экспертизы, в которой могли быть задействованы специалисты в области этнической конфликтологии, но в этом проекте они участия не принимали.

Сообразуясь с пониманием сути ЭЭ авторами/участниками этого проекта, в публикации были представлены: хронологический перечень всех документов по данному социальному конфликту с характеристикой позиций сторон (Садовой 2005: 8–66), краткая характеристика демографической ситуации на территории Чувашенской сельской администрации (Там же: 74–89) и, как принято, раздел, посвященный “традиционным” формам и системам жизнеобеспечения (Там же: 91–121)⁷. Отсутствие первичных материалов для доказательной выработки механизма социальной защиты населения вкуче, повторюсь, с необязательностью выводов этой экспертизы и продолжившимся активным освоением недр региона привели в итоге к резкому обострению социальной ситуации. Оказавшийся в зоне непосредственного промышленного освоения пос. Казасс, место компактного проживания шорцев, в 2015 г. был стерт с лица земли. Другой, точнее сказать, *последний* крупный шорский (а в наст. время — смешанный по составу жителей) пос. Чувашка выглядит наиболее вероятным следующим кандидатом на освобождение стратегически важных для государственного бюджета земель от проживающих на них людях (подр. см.: Поддубиков и др. 2018).

II.3. Инициатором проведения этнологической экспертизы по лесному участку, предоставленному в аренду общине коренных малочисленных народов “Тигр”, на территории Пожарского р-на Приморского края (Звиденная, Новикова 2010) стали Амурский филиал Всемирного фонда дикой природы (WWF) и объединения самих местных жителей-удэгейцев (Там же: 9).

Целями исследования являлись: проведение этнологической экспертизы с мониторинговым изучением социально-культурного, социально-демографического состояния групп коренного населения; выявление допустимости (недопустимости) воздействия намеченной деятельности на исконную среду обитания и традиционный образ жизни малочисленных народов; выработка предложений и рекомендаций для оптимизации хозяйственной деятельности (Там же: 10).

Полевой этап работы, в котором приняли участие два исследователя, составил примерно пять недель — с 6 августа по 19 сентября 2009 г. (Там же: 12). Структурно эта экспертиза близка к представленной ранее ямальской, но в целом являет собой образец особого, уже хорошо узнаваемого типа экспертных текстов ООО “Этноконсалтинг” (см. также: Мартынова, Новикова 2012), построенных по единому стандарту с неоправданно, на мой взгляд, большим вниманием к описанию некой “традиционной” культуры в виде “традиционного образа жизни”, “традиционных экологических знаний” и современных форм “традиционной хозяйственной деятельности”. Данная экспертиза не стала исключением. “Традиционная” описательная констатирующая часть книги составляет $\frac{3}{4}$ ее объема. Анализ влияния аренды лесного участка общиной “Тигр” и прогноз дальнейшего развития ситуации уместились на 12 страницах, но не это главное. В разделе оценки, выполненном в жанре неспешного по-

вестования об экологической этике, о ресурсах тайги, об анимистических представлениях удэгейцев и их священных местах⁸, сложно усмотреть не только связь со всем предшествующим текстом “экспертизы”, но и какую-либо доказательную базу. Даже если авторы порой указывают на отдельные возможные последствия реализации намечаемого проекта (напр.: “Изменения в традиционном образе жизни будут связаны с интенсификацией собирательской деятельности”); *Звиденная, Новикова* 2010: 122), то в качестве комментариев к таким заключениям приводят все те же рассуждения о традиционности, экологичности и этичности (в данном случае, при сборе дикоросов), присущих всем удэгейцам⁹ (Там же: 123).

Возникающий при чтении книги вопрос о точности прогнозов и рекомендаций в ситуации отсутствия детальных посемейных описаний и анализа современного бюджета всех семей/домохозяйств, попадающих в зону влияния проекта, остается, на мой взгляд, без ответа.

III. Государственные (региональные) этнологические экспертизы

Как сказано выше, пока в Российской Федерации имеется лишь один субъект, чье законодательство в отношении ЭЭ существенно опережает федеральное. Речь идет о Якутии, где принят региональный Закон “Об этнологической экспертизе...” (Закон 2010), согласно которому ЭЭ является обязательной, а заказчиком должно выступать юридическое лицо, планирующее осуществлять хозяйственную или иную деятельность в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности народов Севера этого субъекта РФ. В Законе подробно прописаны механизм формирования различных комиссий и этапы проведения экспертизы. Так, экспертная комиссия создается при правительстве республики. На основании сводных материалов научного исследования и выводов экспертов именно она готовит этнологическое заключение. В 2011–2014 гг. в Якутии был проведен целый ряд ЭЭ, касавшихся строительства железных дорог, ГЭС, линий электропередачи, а также геологоразведочных работ в потенциально нефтегазоносных районах (см.: *Слепцов* 2015); в результате ряд проектов был по разным причинам возвращен на доработку¹⁰.

Начинание, несомненно, положительное, но, как и в вышеприведенных случаях, в законе 2010 г. также видна ориентация лишь на этническое измерение социального бытия, ограниченная к тому же списком КМНС, и, к сожалению, используется квазитерминология, не имеющая под собой научных оснований (“исконная среда обитания”, “этнологическая среда”, “развитие этнологической ситуации” и др.). Какие задачи в таком случае призвана решать ЭЭ, остается загадкой.

“Сахалин-2” (второй этап). Представление существующих практик так наз. этнологической экспертизы в современной России было бы неполным без упоминания об опыте анализа оценок воздействия крупных проектов на социальную сферу (SIA) на Сахалине. В 2001–2002 гг. впервые в России был осуществлен полноценный сбор первичного материала для последующего проведения оценки потенциального воздействия на общество одного из крупных промышленных проектов – “Сахалин-2” (второй этап). Несколько академических публикаций посвящено анализу непротых взаимоотношений нефтедобывающих компаний, государственных структур и индигенного населения Севера Сахалина (см., в частности: *Mitrofanin* 2006; *Roon* 2006; а также наиболее полный на сегодняшний день обзор и анализ: *Мамонтова* 2015), что избавляет от необходимости подробно рассказывать об их истории. Исходя из адекватного определения SIA¹¹, компания “Сахалин Энерджи”, задействовав российских и зарубежных специалистов и уже апробированные, в частности в США, техники и методики сбора материалов, получила максимально надежные и полные первичные сведения из всех мест компактного проживания КМНС Саха-

лина. Образцы форм для регистрации информации (для сбора исходных данных, для регистрации цен, для регистрации характера использования земель в санитарно-защитной зоне и др.), а также вопросников и бланков регистрации ответов (анкета по вопросам здравоохранения и состояния здоровья, анкета для опроса населения, фрагмент подробнейшей анкеты для исследования домашнего хозяйства, вопросы для экспертов и др.) размещены в открытом доступе на сайте компании (Документы 2003) и вполне могли бы быть использованы для проведения аналогичных работ¹². К сожалению, ничем столь же фундаментальным и методически выверенным с тех пор не была отмечена ни одна из российских “этнологических экспертиз”.

* * *

Суммируя изложенное, можно утверждать, что в настоящее время в России нет четко выработанной общепринятой научной концепции этнологической экспертизы. Методы ее проведения варьируют в зависимости от компетенции осуществляющих ее рабочих групп.

Имеющийся опыт ЭЭ на Севере России и в Сибири, как правило, базируется на кратковременных полевых исследованиях (от двух до пяти недель во всех известных мне случаях), за этот срок можно выявить лишь основные документы, показывающие логику рождения и развития конфликта, провести экспресс-анализ общей социально-экономической и демографической ситуации, социологическое экспресс-обследование, в т.ч. выборочный экспертный опрос, и — при наличии всего пакета документов и материалов, а также группы профессиональных юристов — определить соблюдаются или нет требования действующего законодательства РФ.

Если исходить из того, что в идеале оценка влияния на социум должна включать целый ряд обоснованных(!) заключений: о популяционных изменениях; изменениях в занятости людей; о смене мест жительства, включая возможные существенные, в т.ч. вынужденные, переселения; о возможном разрыве соседских связей; о влиянии шума; об изменениях в плане доступности (понимаемой максимально широко); об изменениях в здоровье и безопасности людей; об изменениях в землепользовании, включая такие важные составляющие, как изменение миграций основных промысловых животных, например; и наконец, о воздействии проекта на сообщество в плане трансформаций социальной структуры, изменения криминогенного потенциала и создания предпосылок для роста преступности, сексуального насилия, распространения проституции, акций гражданского неповиновения, включая публичные беспорядки и акты насилия и проч., — то рефрен “нет возможности” мог бы быть предпослан каждому из названных пунктов.

Я специально оставляю в стороне вопрос об оценках потенциального ущерба, который бизнес-проекты и управленческая деятельность могут нанести “культуре” и “языку”. При кажущейся очевидности влияния (практически всегда воспринимаемого со знаком минус) мы пока еще не научились ни вычленять “норму”, ни просчитывать ущерб, который наносится этой “норме”. Следует особо подчеркнуть, что практически все осуществленные до сего дня “этнологические экспертизы” основаны именно на поиске “нормы” культуры и попытках эмоциональной оценки ущерба, которому эта норма подвергается. Длинные описания “традиционной культуры”, обширные таблицы с архивными данными столетней давности без какой-либо аналитики и т.п. в опубликованных текстах экспертиз являются, на мой взгляд, не более чем популистской риторикой в условиях отказа (не знаю, осознанного или нет) от теоретического осмысления существующих проблем, как ни обидно это признавать.

Характерным для наших экспертиз является и отсутствие нацеленности на пролонгированное обследование населения. Во многом невозможность правильной организации процесса взаимодействия и сотрудничества индигенных сообществ (или в целом населения под воздействием), государства и бизнеса определяется именно отсутствием системы (и четких индикаторов) мониторинга с целью предотвращения возможного неблагоприятного влияния.

Попытки сторон конфликта решить проблему в свою пользу путем “экстренного” (иногда – превентивного) проведения экспертизы на свои средства до начала работ на объекте и последующих ссылок на ее заключение не имеют шансов на урегулирование и стабилизацию ситуации даже в ближнесрочной перспективе. Такого рода “активность” компаний, равно как и согласие отдельных специалистов принимать участие в заведомо методически непродуманных экспертных работах, вряд ли будут способствовать укреплению их делового и профессионального имиджа, с одной стороны, и практически гарантированно приведут к негативным последствиям для местного населения, оказавшегося под воздействием, – с другой.

Очевидно также, что в российской исследовательской практике отсутствуют либо все еще недостаточно освоены многие подходы и принципы, уже давно апробированные в других странах и широко представленные в зарубежной литературе. Это прежде всего методология бизнес-антропологии и антропологии корпораций, позволяющая не только рассматривать проблемы взаимоотношений добывающих компаний и коренных народов (местных сообществ) в контексте оценки влияния первых на вторые, но и видеть обратные процессы: закономерные (вынужденные или добровольные) изменения внутри корпорации на всех уровнях ее организации. Такое совмещение ставшего традиционным экспертного подхода, ориентированного на оценку воздействия добывающей индустрии на локальные сообщества коренных народов, с попыткой синхронного рассмотрения адаптивных стратегий бизнес-корпорации, несомненно, ценно, поскольку выводит исследователя на уровень практически важных выводов о наиболее эффективных вариантах взаимной адаптации и дальнейшего совместного развития компании и подверженного ее воздействию населения.

Характерен для такого рода исследований и максимально широкий охват различных аспектов социального воздействия добывающих компаний на местные сообщества при проведении соответствующей экспертизы (SIA), в отличие от распространенных в российской практике попыток осуществить этнологическую или этноэкологическую экспертизу, сфокусированную, как уже не раз подчеркивалось выше, в основном на этнических (этносоциальных, этнокультурных) аспектах взаимодействия.

Значительное внимание в социальной антропологии уделяется оценке эффективности реализуемых добывающими компаниями политик корпоративной социальной ответственности, практическим рекомендациям по их корректировке и настройке на специфику местных сообществ. Мировой опыт взаимоотношений коренных народов и добывающих компаний знает даже случаи функционального замещения бизнес-корпорациями государства как регулятора социального процесса. Происходит это, как правило, в условиях, когда государственная власть не предусматривает высокой степени централизации в решении проблем местного социально-экономического развития.

Важно не забывать и о практиках *engaged anthropology* и *индигенных исследований*, предусматривающих широкое вовлечение представителей коренных народов и местных сообществ в проведение экспертизы воздействия как на стадии заключения соглашений с корпорациями, так и в процессе мониторинга их выполнения. Известный

в настоящее время российский опыт проведения ЭЭ в основном предусматривает относительно пассивную роль сообществ коренных народов (это относится в т.ч. и к ЭЭ в Якутии), которые прямого участия в исследовательском процессе не принимают и привлекаются в некоторой мере лишь на стадии обсуждения его результатов.

И, наконец, во всех случаях оценок воздействия на общество (SIA) мы обнаруживаем развитые стандарты экспертизы и научно-технического обоснования мер компенсации, социальной и культурной реабилитации аборигенных групп в случае их вынужденного переселения с территорий традиционного проживания, попавших в зоны интенсивного промышленного освоения (см., напр.: *Thukral* 1992; *Rew* 1996; *Cernea* 1999; *Colson* 1999; *Cernea* 2008; *Oliver-Smith* 2009). Упомянутый мною выше пример такой оценки на Сахалине и обилие литературы, в т.ч. учебников, по проведению SIA свидетельствуют о том, что такого рода практика и опыт вполне могли бы быть использованы в аналогичных ситуациях в России.

Собственно говоря, выявленные недостатки современных ЭЭ и обозначенные положительные принципы проведения оценок воздействия управленческой и бизнес-деятельности на социум и диктуют те перспективные направления, развитием и обязательной имплементацией которых, как мне видится, следует заниматься.

Закончить статью я бы хотел настоятельным обращением к коллегам: перестать — с оглядкой на изжившие себя риторические концепты — изобретать собственные виды “этноэкспертиз”, а начать, наконец, использовать накопленный в мире позитивный опыт проведения SIA, взяв в качестве отправной точки хотя бы такое ее определение:

Оценка социального воздействия (SIA) включает в себя процессы анализа, мониторинга и управления предполагаемыми и непредвиденными социальными последствиями, как положительными, так и отрицательными, запланированных вмешательств (политика, программы, планы, проекты) и любых процессов социальных изменений, вызванных этим вмешательством (*Vanclay* 2003: 6)

или

...процесс идентификации и управления социальной составляющей в процессе реализации проектов, включающий эффективное вовлечение сообществ, находящихся под воздействием, в процессы (participatory processes) идентификации, оценки и управления социальным воздействием (*Vanclay* 2015: iv).

Методика SIA разработана настолько детально, что надо лишь набраться терпения, чтобы внимательно разобраться в ней и начать, наконец, применять ее на практике. Разумеется, и в случае с грамотно выполненной SIA нельзя уповать на нее как на панацею ото всех социальных бед. Впрочем, эта проблема заслуживает особого рассмотрения...

Примечания

¹ К некоторым из рассматриваемых в статье сюжетов я обращался ранее (см., в частности: *Funk* 2016: 345–368; *Функ* 2016: 263–270), но публикуемая здесь работа имеет иной фокус рассмотрения и содержит более полный обзор экспертиз.

² Попутно отмечу, что конфликты вокруг извлечения ресурсной ренты — доходов от добычи и продажи полезных ископаемых — рассматриваются в антропологии с разных точек зрения: от ставшего традиционным изучения этнических, языковых, культурных противоречий и трансформаций до поиска антропологических подходов к осмыслению феномена “ресурсного проклятия” (ср., напр.: *Eddy, Partridge* 1978 и *Stammler, Wilson* 2006: 1–42; *Новикова* 2008; *Behrends et al.* 2011; *Momtaz, Zobaidul Kabir* 2013; *Миськова* 2014: 104–110; *Функ* 2016: 263–270 и др.). Серьезные исследования в данном направлении стали возможны в России по большому счету начиная с 1990-х годов, и почти

сразу же они велись не столько в теоретическом (такого рода работ, к сожалению, до сих пор практически нет; к числу исключений можно отнести, пожалуй, лишь: *Новикова* 2014), сколько в прикладном ключе с опорой на решение юридических вопросов введения аборигенных групп в число бенефициаров добычи полезных ископаемых и снижения негативных экологических и экономических эффектов, связанных с освоением территорий, для образа жизни и культуры данных групп.

³ “1. Этнологическая экспертиза — оценка социально-культурных последствий внедряемой хозяйственной деятельности и иных управленческих решений на объекты этнокультурного наследия граждан Российской Федерации <...> 3. ...объекты этнокультурного наследия граждан Российской Федерации — нематериальное культурное наследие граждан Российской Федерации” (из проекта Федерального закона об этнологической экспертизе. <http://regulation.gov.ru/projects#npa=77915> [дата обращения: 02.04.2018]).

⁴ См. полный текст заключения на сайте “Тематического сообщества по проблемам больших плотин” <https://solex-un.ru/dams/obzory/ges-i-zhiteli-zon-zatopeniya/obzor-10> (дата обращения: 02.04.2018). Примеры антропологического исследования населения, которое оказывается под воздействием в случаях строительства плотин, см., напр.: *Thukral* 1992.

⁵ Существует даже (не утверждённый до сих пор) регламент организации и проведения ЭЭ как государственной услуги в Кемеровской обл. (Личное сообщение В.В. Поддубикова, одного из активных участников данных экспертиз и разработчиков названного регламента).

⁶ Следует заметить, что антропологических работ, построенных на анализе конфликтов, возникающих вокруг извлечения ресурсной ренты в ситуации контакта угледобывающей отрасли и индигенных групп населения, в целом не так много. Один из удачных примеров: *Welker* 2014.

⁷ Тот же модуль сбора и представления материала, за исключением добавления раздела “Этносоциальные процессы и этнополитическая ситуация...” (с оценкой людьми местного самоуправления, социальной политики, а также политических ориентаций самих местных жителей), был использован и во второй ЭЭ, проводившейся в 2005–2006 гг. на территории компактного проживания телеутов (см.: *Садовой* 2008).

⁸ В качестве примеров можно привести, например, такие фрагменты текста: “Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов является гибкой системой, обладающей большим адаптационным потенциалом. Доказательства этому демонстрируют аборигенные сообщества по всему миру. Удэгейцы не являются исключением. Намечаемая деятельность по комплексному использованию пищевых и лекарственных лесных ресурсов выделенной территории не нанесет урона традиционному природопользованию и культуре коренных народов. Заключение договора аренды является еще одним фактором сохранения и развития их культуры”; “Традиционное природопользование потому и является таковым, что оно неистощительное, ресурсосберегающее”; “...намечаемая хозяйственная деятельность не может нарушить целостности и причинить какой-либо вред природно-историческим объектам, захоронениям предков и священным местам при условии, что эта деятельность будет вестись членами общины или другими представителями коренных малочисленных народов Севера, для которых священные места являются частью традиционной культуры” (*Звиденная, Новикова* 2010: 117, 120, 127 и др.).

⁹ Попутно отмечу, что вопрос о традиционности, экологичности, этичности и пр. параметрах культуры живущих здесь же нанайцев, орочей и эвенков в тексте экспертизы и в заключении не рассматривается.

¹⁰ Недавно подробное и аналитически насыщенное описание ЭЭ в Якутии было представлено в виде магистерской диссертации А.С. Басовым (*Басов* 2017).

¹¹ В Отчете 2003 г. по оценке воздействия на социальную сферу (см.: http://www.sakhalinenergy.ru/media/user/library/social_sphere/doc_38_sia_chp1.pdf) это определение было дано на русском языке с отсылкой к материалам Международной ассоциации оценки воздействия (2002 г.).

¹² Принципиально не могу согласиться с изложением в статье О. Мурашко причин конфликта КМНС Сахалина и компании “Сахалин Энерджи”, вспыхнувшего в 2005 г. Согласно трактовке автора, конфликт явился результатом неудовлетворительной оценки возможного социального воздействия проекта в рамках проведенной этой компанией ЭЭ (“...cultural values, actual employment, sources of income, nutritional systems, health, and the relationship to the environment of the population living in the project area were not fully studied”; *Murashko* 2006: 82). После ЭЭ, полностью соответствующей российским требованиям, компания провела оценку воздействия проекта на социальную сферу по международным стандартам (2002 г. с существенными дополнениями 2005 г.), что, кстати, отмечено редакторами специальной темы номера журнала *Sibirica*, в котором была опубликована указанная работа О. Мурашко (*Ibid.*: 93, note 3).